

КСЕНИЯ ЛУЧЕНКО

Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57>

Xenia Luchenko

The Digitalization of Worship Practices during the Coronavirus Pandemic in the Context of the Mediatization of Orthodoxy

Xenia Luchenko — Institute for Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).
luchenko-kv@ranepa.ru

The article describes how the closure of churches during the Easter period due to the COVID-19 pandemic and the quarantine measures led to the shift of everyday liturgical and communication practices to online forms. The experience of distance church life in April-June 2020 has shown that both the mediatization of Orthodoxy and the development of Orthodox segment of the internet reached a fundamentally new stage. The author examines this stage using the concept of participatory culture introduced by Henry Jenkins and the cultural studies approaches based on the categories of interactivity and immersion. The shared experience of online worship over a span of several months and the degree of participants' co-presence and emotional involvement point to a new level of mediatization that entailed the production and consumption of textual, audio and video content in the course of vertical and horizontal communication. This experience also showed the active development of participatory practices, including the strengthening of interactivity of worship, the unprecedented intensity of immersion, and the prospects of substantial changes in the liturgical life driven by digitalization.

Keywords: liturgy, online worship, immersion, interactivity, coronavirus pandemic, mediatization of Russian Orthodoxy, participatory culture.

ПАНДЕМИЯ коронавируса и связанные с ней карантинные ограничения не были сами по себе причиной изменений в разных общественных и культурных областях, но катализировали существующие процессы и кризисные тенденции. Религиозная жизнь не стала исключением. Непредвиденные обстоятельства — невозможность верующим посещать богослужения и привычно жить по церковному календарю, вынужденное изменение обряда в связи с санитарными мерами, превращение храмов и монастырей в очаги заражения, смерти среди духовенства, в том числе высокопоставленного, конфликты с местной властью по вопросам ограничений, падение доходов из-за отсутствия прихожан — все это обострило ранее существовавшие противоречия и выявило тенденции, которые постепенно изменяют разные сферы церковной жизни и церковно-общественных отношений. Пожалуй, наиболее радикальный опыт, который получили миллионы верующих — закрытие храмов для мирян и миграция повседневных богослужебных и коммуникативных практик в онлайн-среду.

В этом тексте я ставлю своей целью не описать устоявшуюся репрезентативную усредненную картину (ее пока и не существует), а наоборот, выявить ситуации, примеры, практический опыт и точки зрения, которые демонстрируют возможный потенциал и направление трансформаций. Опорой для этого текста стали теоретические и практические работы и концепции, принятые в большей степени в культурологических и медиаисследованиях (иммерсивность, соучастие и т. п.), а также в богословских, социологических и антропологических исследованиях (литургические практики, медиатизация религии).

Интернет и медиатизация православия

Исследователи медиатизации религии в основном мыслили в категориях присутствия религиозных организаций, сообществ и их отдельных представителей в медиапространстве, обмена информацией и коммуницирования. Один из главных теоретиков медиатизации религии, датский социолог Стиг Хьярвард считает, что медиатизация приводит к «банализации» и «меркантилизации» религии, что медийные институты забирают у религии ее функции (становятся моральными и духовными проводниками, дают чувство общинности и т. п.), уравнивают ее с разнобо-

разными формами развлечений¹. Немецкий автор Оливер Крюгер в своем критическом обзоре разных подходов к описанию медиатизации религии приходит к выводу, что «Большинство исследований просто определяют медиатизацию как процесс использования новых медиа»². Крюгер показывает, что единой концепции медиатизации религии у исследователей не сложилось, все существующие трактовки так или иначе уязвимы для критики и предоставляют широкое пространство для интерпретаций и развития.

О применении концепций медиатизации к русскому православию и его цифровизации, например, писала социолог Елена Островская³. Островская считает, что «в течение двадцати лет обнаруживается неуклонная тенденция выхода российского православия на публичные социальные арены, опосредуемая его медиатизацией и цифровой реконfigurацией базовых институтов» и что у этой тенденции было два направления: «смысловое, организационное, идеологическое формирование медиа- и цифрового измерений российского православия» и «реструктуризация силами православных медиакоммуникаций широкой медиасреды и цифрового пространства». То есть речь идет, прежде всего, об использовании новых медиа как инструментов внутренней и внешней коммуникации.

С 1996 года, с появления первых православных сайтов в доменной зоне *ru*, на протяжении более чем двадцати лет, интернет выполнял почти те же функции, что и традиционные медиаканалы — функции информирования и коммуникации. И несмотря на наличие оригинальных свойств, отличающих интернет от «старых СМИ» — гипертекстуальности, мультимедийности и интерактивности⁴, и несмотря на то, что авторы церковных сайтов, как неформальных, так и официальных, пользовались всеми преимуществами, которые давали эти свойства по сравнению с традици-

1. Hjarvard, S. (2008) "The mediatization of religion: a theory of the media as agents of religious change", *Northern Lights: Film and Media Studies Yearbook* 6(1): 9–26; Hjarvard, S. (2016) "Mediatization and the changing authority of religion", *Media, Culture & Society* 38(1): 8–17.
2. Krüger, O. (2018) "The 'Logic' of Mediatization Theory in Religion: A critical consideration of a new paradigm", *Marbourg Journal of Religion* 20(1).
3. Островская Е.А. Медиатизация православия — это возможно? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 300–319.
4. Лукина М.М., Фомичева И.Д. СМИ в пространстве Интернета. М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005.

онными вещательными медиа, это все еще была привычная модель потребления медийного контента: производители публиковали информацию, читатели/зрители ее получали. Этот этап подробно описан мной в предыдущих работах⁵. Постепенно появлялись интернет-сообщества, которые можно было бы назвать экстерриториальными религиозными общинами, что говорит о развитии в направлении большего взаимодействия, чем при простом обмене информацией. К таковым можно отнести, например, сообщество первого крупного независимого форума диакона Андрея Кураева (<http://kuraev.ru>), православный сегмент «Живого журнала» (www.livejournal.ru) в 2000-х годах, позднее — многочисленные православные тематические группы в соцсетях ВКонтакте и Фейсбуке. Однако в полном смысле распределенными приходскими общинами их считать нельзя в силу ограниченности все теми же функциями информирования, вертикальной и горизонтальной коммуникации.

Опыт дистанционной церковной жизни в России в режиме онлайн на протяжении апреля-июня 2020 года показал, что и в медиатизации православия, и в развитии православного интернета наступил принципиально новый этап. Это уже не просто «процесс использования новых медиа», о котором пишет Крюгер, и традиционное создание и потребление контента, присутствие религиозных тем и представителей Церкви в медиа и т. д., но массовый перенос церковных практик, в том числе богослужебных, в цифровое пространство, возникновение разнообразных гибридных форм, новый уровень вовлеченности⁶, погружения.

Отчасти это была проективная ситуация, эксперимент, демонстрация возможностей, которые не будут пока востребованы в регулярном ежедневном режиме после возвращения к нормализованной офлайн-церковной жизни, но определяют траекторию изменений и направление дискуссий. Следует оговориться, что, разумеется, практики, о которых дальше пойдет речь, не возникли из-за коронавируса и карантина, но были этим кри-

5. Luchenko, K. (2015) "Orthodox online media on runet: history of development and current state of affairs", *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media* 14: 123–132; Лученко К.В. Интернет и религиозные коммуникации в России // Медиаскоп. 2008. № 1. С. 3–10.
6. Здесь и далее слово «вовлеченность» используется в значении «сопричастность», «погруженность», как принято переводить английское слово *immersion* в работах, например, Генри Дженкинса (см. ниже). Чаще всего в этом значении слово используется применительно к описанию проектов в формате трансмедийного сторителлинга и различных иммерсивных проектах. Не следует путать со значением «вовлеченности» как количественного измерения аудитории в сфере *stmm*.

зисом проявлены и усилены. Например, Елена Островская два года назад опубликовала исследование про интернет-медиатизацию исповеди, в котором изучала исповедь как тему коммуникации в приходских группах в социальной сети⁷. Речь пока не шла об исповеди или других таинствах как онлайн-практике, но ситуация дистанцирования в 2020 году поставила этот вопрос.

Американский культуролог и исследователь медиа Генри Дженкинс сформулировал и развил концепцию культуры соучастия (партиципации) применительно к цифровым практикам информационного общества⁸. Культура соучастия предполагает высокую степень саморегуляции и неформальность отношений внутри онлайн-сообществ, но главное — высокую вовлеченность пользователей в производство контента. И хотя Дженкинс писал в большей степени про традиционный контент, вовлеченность и соучастие — ключевые категории, которые описывают качественное изменение цифровых религиозных практик. Православные пользователи интернета, включая духовенство, существуют в пространстве культуры партиципации, и церковная составляющая не может быть отделена от их повседневности и привычек, что особенно ярко проявилось в период ограниченного доступа к реальным богослужениям. В концепции Дженкинса вовлеченные в производство культурных смыслов пользователи, объединяющиеся в сообщества, повышают свой статус и получают возможность влиять на институционализированную культуру. Если эту закономерность экстраполировать на религию, то можно предположить, что опыт пребывания в «пространстве соучастия» позволит мирянам и священникам из поколения «цифровых аборигенов» влиять на трансформацию практик и систему иерархических отношений внутри Церкви, по крайней мере, в ее медиатизированной, виртуальной проекции. Рассмотрим некоторые тенденции в этом направлении, которые проявились во время пандемии.

Онлайн-богослужения в период самоизоляции

13 апреля 2020 года на сайте информационного агентства РБК были опубликованы результаты исследования компании *Qrator*

7. Островская Е.А. Интернет-медиатизация исповеди в среде сетевых православных VK.com сообществ // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17. № 3. С. 45–58.
8. Jenkins, H. (2009) *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*. Cambridge: The MIT Press; Jenkins, H. (2006) *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press.

Labs, в котором говорится, что «в последнюю неделю марта объемом потребления трафика на религиозных сайтах вырос на 30–500%»⁹. Представители компании объясняли этот рост повышенным интересом к религиозной теме и тем, что «многие участвуют в церковных службах по видеосвязи». К этой новости могут быть претензии: компания не разглашает, какие именно религиозные сайты упоминаются в исследовании; кроме того, во время Великого поста и больших праздников трафик православных сайтов увеличивается ежегодно. Однако даже при этих погрешностях можно признать факт, что онлайн-богослужения уже в начале введения режима самоизоляции стали заметным явлением в российском сегменте интернета.

Период самоизоляции пришелся на те недели церковного календаря, когда богослужения идут наиболее интенсивно и их посещаемость увеличивается в разы — окончания Великого поста, Страстной недели, Пасхи и Светлой недели. 11 апреля в Москве вышло циркулярное письмо за подписью первого викария Московской епархии митрополита Воскресенского Дионисия (Порубая) о том, что богослужения будут совершаться в присутствии только клира, сотрудников храма и волонтеров¹⁰. Такие же распоряжения церковных властей со ссылкой на решения региональных санитарных властей вышли в других городах. А на следующий день патриарх Кирилл призвал верующих «проводить время у телевизоров, когда там идут трансляции богослужений»¹¹.

«Рабочая группа при патриархе Кирилле по координации действий в условиях распространения коронавирусной инфекции» сделала основным оперативным способом информирования СМИ, паствы и заинтересованной общественности свой официальный канал в мессенджере «Телеграм». 7 апреля рабочая группа сообщила, что «в условиях вынужденной самоизоляции Русская Православная Церковь предлагает своим прихожанам онлайн-трансляции богослужений. Это позволяет наполнить домашнюю молитву радостью созерцания Божественной литургии и других

9. За время пандемии выросла популярность криптобирж и сайтов о религии // РБК. 13.04.2020 [<https://tinyurl.com/y240bhez>, доступ от 15.07.2020].

10. Циркулярное письмо митрополита Воскресенского Дионисия от 11 апреля 2020 года // РПЦ. Официальный сайт Московского патриархата. 11.04.2020 [<https://tinyurl.com/y4pf9pyl>, доступ от 20.07.2020].

11. Патриаршая проповедь в праздник Входа Господня в Иерусалим после Литургии в Храме Христа Спасителя // РПЦ. Официальный сайт Московского патриархата. 12.04.2020 [<https://tinyurl.com/y44rfzma>, доступ от 15.07.2020].

служб»; далее рабочая группа привела данные, что трансляцию утрени праздника Похвалы Пресвятой Богородицы в Елоховском соборе, которую служил патриарх Кирилл, в социальной сети «Одноклассники» смотрело более 100 000 пользователей¹².

15 апреля Санкт-Петербургская епархия в лице своего пресс-секретаря Натальи Родомановой сообщила статистику онлайн-богослужений изданию «Фонтанка». По ее словам, с 1 по 12 апреля в Петербургской епархии было около 800 тысяч просмотров трансляций богослужений. По данным Родомановой, «на пятой седмице Великого поста трансляцию богослужения с участием митрополита посмотрели около 65 тысяч пользователей», а «в тех храмах, где сформировались дружные приходы или формат онлайн-трансляции используется давно, просмотров в среднем — до 26 тысяч»¹³. По данным «Фонтанки», 15 храмов епархии вели трансляции регулярно, большинство из них использовали платформу социальной сети «ВКонтакте», некоторые транслировали через Фейсбук и Инстаграм. А, например, в Оренбурге такие же новости появились уже 2 апреля: первые трансляции богослужений в официальном аккаунте Оренбургской епархии в социальной сети «ВКонтакте» посмотрели 2,5 тысяч человек¹⁴.

Совокупных данных по онлайн-трансляциям ночного пасхального богослужения по всей России нет, но примерный порядок цифр можно представить из региональных новостей (официально закрыты для прихожан на Пасху были храмы в 42 из 85 российских регионов). В Санкт-Петербурге онлайн-трансляции в ночь на 19 апреля смотрели около 500 тысяч пользователей¹⁵. Екатеринбургская епархия тоже приводит статистику просмотров пасхальных богослужений в ночь с 18 на 19 апреля: 107 тысяч пользователей наблюдали за трансляцией из Свято-Троицкого кафедрального собора в youtube-аккаунте регионального православного телеканала «Союз», трансляция из Ново-Тихвинского монастыря ВКонтакте собрала 5 тысяч зрителей, приходские

12. Телеграм-канал «Коронавирус. Рабочая группа при патриархе», 7.04.2020 [<https://t.me/Patriarchrabochayagruppa/17>, доступ от 10.07.2020].

13. Пасха онлайн. Как петербургские священники уходят от коронавируса в Интернет// Фонтанка.ру. 15.04.2020 [<https://tinyurl.com/yumvz89b>, доступ от 10.07.2020].

14. Из оренбургских храмов ведут прямые трансляции богослужений// ПроОрен. 2.04.2020 [<https://tinyurl.com/y6z47c5g>, доступ 15.07.2020].

15. «Более полумиллиона человек смотрели трансляции пасхальных богослужений в храмах Петербурга»// Невские новости. 19.04.2020 [<https://tinyurl.com/y3k3j6ор>, доступ 15.07.2020].

трансляции в группах в соцсетях также набрали по несколько тысяч просмотров¹⁶.

Примечательно, что онлайн-трансляции вели не только епархии и отдельные приходы на своих сайтах и в аккаунтах в социальных сетях. Холдинг «Газпром-медиа» организовал трансляции предпасхальных и пасхальных богослужений из храмов Москвы, Санкт-Петербурга и Орла, которые обеспечивало производственное подразделение «Матч ТВ», специализирующееся на трансляциях спортивных событий. Для этого был создан специальный раздел на сервисе «Премьер»¹⁷, где в основные праздничные дни и во время Страстной недели можно было смотреть по несколько служб в день из разных городов. Сами трансляции были бесплатными, но теперь их записи доступны только подписчикам сервиса.

Для телевидения, в отличие от интернета, формат трансляций праздничных богослужений привычен, а также существует полная статистика просмотров. Патриаршую службу из пустого храма Христа Спасителя, как и каждый год, транслировали три телеканала: «Первый», НТВ и православный телеканал «Спас». По данным *Mediascope*, в 2020 году телевизионная аудитория трансляции ночной пасхальной службы 19 апреля составила 2,9 миллионов зрителей, что на 81% больше, чем в 2019 году, когда пасхальную службу из Москвы по телевизору смотрели 1,6 миллионов человек¹⁸.

Как видно из этого обзора, онлайн-трансляции оказались очень востребованным форматом на разных интернет-площадках, священноначалие само призывало верующих молиться перед экранами, а технологически трансляции становятся все разнообразнее и соответствуют стандартам трансляций любых крупных событий, например спортивных.

Трансляции богослужений: от телеэфира к Инстаграму

Официальные профессиональные онлайн-трансляции из кафедральных соборов епархий и крупных храмов ничем, кроме ка-

16. «Связь сердец ничем не разделить»: благодаря онлайн-трансляциям Пасхальные богослужения объединили миллионы верующих // Сайт Екатеринбургской епархии. 19.04.2020 [<https://tinyurl.com/yygwch3j>, доступ 10.07.2020].

17. Прямые трансляции богослужений // сайт «Премьер» <https://vera.premier.one/> [доступ 12.07.2020].

18. «Закрытие храмов увеличило телеаудиторию пасхальной службы на 81%» // РБК. 22.04.2020 [<https://tinyurl.com/uxgywvd7>, доступ 15.07.2020]

нала распространения, не отличаются от телевизионных. Это все еще традиционное пассивное потребление контента без вовлеченности. Жанр комментируемой телетрансляции патриарших богослужений, который появился на федеральных телевизионных каналах в начале 1990-х годов и с тех пор претерпел незначительные изменения, предполагает предельное дистанцирование зрителя от служащих и присутствующих в храме: они участники, а зрители — наблюдатели, своеобразные «телеэкскурсанты». Получается эффект «двойного посредника»: между происходящим в храме и зрителем оказывается не только сам медийный канал, экран, но и комментатор, который формирует восприятие происходящего на экране, диктует, что и как видеть.

Иная ситуация возникает при просмотре живых трансляций в соцсетях из приходских храмов. Непрофессиональные операторы с помощью мобильных телефонов с одного плана транслируют богослужение вместе со всеми живыми шумами, своим дыханием, дрожанием штатива или рук. Это совсем другой уровень вовлеченности, погружения, сокращающий дистанцию между зрителем и происходящим на экране. Как отмечают исследователи медиа Анна Новикова и Илья Кирия, «определенная “некачественность” изображения и звука, неформальность речи и т.д. вместе с оперативностью доставки информации не мешают, а способствуют созданию эффекта присутствия, вовлечению в реальность зрелища»¹⁹. Причем таким образом транслируются не только основные богослужения — литургии, всенощные бдения и так далее, но и молебны, акафисты, вечерни и другие события церковной жизни.

Так, например, желающие посмотреть церемонию схождения благодатного огня из храма Гроба Господня в Иерусалиме в 2020 году могли выбирать между традиционной телевизионной комментированной трансляцией и прямым непрофессиональным эфиром в Фейсбуке, создающим эффект присутствия. Велись трансляции отпеваний священнослужителей, умерших от коронавируса. 23 апреля в Фейсбуке около ста пользователей следили за отпеванием настоятеля Елоховского собора в Москве протоиерея Александра Агейкина. 1 мая примерно столько же прихожан присутствовали на онлайн-трансляции отпевания настоятеля храма Рождества Пресвятой Богородицы в Крылат-

19. Новикова А.А., Кирия И.В. Эстетика иммерсивности: особенности творческой деятельности журналиста в мультимедийных и трансмедийных проектах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 276–288.

ском протоиерея Георгия Бреева, который также стал жертвой COVID-19. Эти трансляции одновременно шли и в *youtube*.

При этом в социальных сетях видно, с какого аккаунта зашел зритель, то есть у прихожан, знакомых между собой, может возникнуть ощущение, что они друг с другом «увиделись», — не смотрели каждый по отдельности, а все вместе присутствовали в одно время в одном месте. Об этом они писали в комментариях к записи трансляций. Кроме того, можно отреагировать на происходящее в окошке трансляции — поставить «лайк» или сочувственный «эмоджи», оставить публичный комментарий, выражая благодарность, поддержку, сочувствие или отправить личное сообщение снимающему. Таким образом происходит обмен эмоциями, усиливающий вовлеченность.

Оказался востребованным у церковных пользователей формат «сториз» — фрагментов эфира, выложенных в аккаунты храмов в социальной сети «Инстаграм». В таком формате обычно выкладывались проповеди и чтение записок с именами для поминовения на литургии. В тех же инстаграм-аккаунтах или ВКонтакте в комментариях или в личных сообщениях принимались просьбы упомянуть за богослужением имена — это новый бесконтактный способ подачи записок: прихожане отправляли «записки» в комментариях, а потом слушали, как их читают в «сториз» и оплачивали пожертвования через любую онлайн-платежную систему. В случае со «сториз» эффект присутствия и вовлеченность получаются асинхронными: человек может посмотреть, что сегодня происходило на литургии в его приходе, услышать, как читают его имя или послушать проповедь, но по времени это может происходить в течение 24 часов (столько времени «сториз» доступны в опубликовавшем их аккаунте).

Таким образом, интерактивность, предполагающая широкие возможности для активного взаимодействия пользователей с происходящим на экране и друг с другом, и вариативность стратегий виртуального присутствия обладают потенциалом трансформации практик участия верующих в богослужениях и роли онлайн-событий в церковной жизни.

Интерактивность и иммерсивность

Для описания и анализа перехода литургических практик онлайн и все увеличивающейся степени вовлеченности мне представляется уместным использовать подходы, принятые в культурологии и искусствоведении. Христианское богослужение в его обрядовой части восходит к древнейшим религиозным ритуалам, которые

всегда обладали перформативными свойствами, были спектаклями. Символический строй литургического действия, характер отношений между совершающими богослужение и присутствующими на нем и сегодня имеют много общего с театром. Поэтому уместно применить категории, которые исследователи используют для описания трансформаций театров, музеев и других культурных институций в *digital*-среде, в обществе культуры соучастия — интерактивность и иммерсивность. Интерактивность — это взаимодействие, диалог пользователя, реципиента с чем-то, доступ к чему ему предоставляет медианоситель, а иммерсивность — следующая ступень, погружение: «В иммерсивных проектах среда становится тем местом, где могут быть удовлетворены потребности пользователей и которое генерирует эмоции благодаря уникальной комбинации условности и жизнеподобия»²⁰. И литургические практики, и театральные действия вышли из древних мистерий, но важное различие состоит в том, что богослужения по сравнению с постановками классических периодов развития театра всегда предполагали большую включенность «зрителей» в процесс, некоторые формы со-бытия с «протагонистами», совершающими обряды и таинства, эмоциональное и даже активное присутствие внутри спектакля. То есть в богослужениях изначально заложена большая иммерсивность, чем в театральных спектаклях и различных шоу, которые одновременно с обретением вовлеченности в режиме онлайн, используют цифровые техники для создания иммерсивных пространств в реальных офлайн-залах. Важно, что у участников интерактивных и иммерсивных действий всегда есть самостоятельный выбор степени взаимодействия и погружения — им предоставлена возможность вступать в диалог и погружаться, но вне зависимости от того, онлайн или офлайн происходит действие, выбор дистанции остается за пользователем: «Создание условий для возникновения интерактивности и/или иммерсивности не гарантирует неизбежного возникновения оных. Одной из главных черт современных мультимедийных зрелищ остается то, что реципиент вправе не принимать предлагаемых правил „игры“ и самостоятельно определять степень интерактивности и иммерсивности согласно собственной индивидуальности или же сиюминутным настроениям»²¹.

20. Там же. С. 282.

21. Эвальд В.Д. Интерактивность и иммерсивность в медиасреде. К проблеме разграничения понятий // Художественная культура. 2019. № 3. С. 269.

Телевизионная трансляция литургии или любого другого богослужения — это пассивное потребление контента, особенно, если она комментируемая. Это «старая» форма взаимодействия со зрелищем, которое находится от смотрящего на максимальной дистанции. Прямая трансляция в интернете предполагает интерактивность — возможность оставить реакцию, следить за происходящим без посредников. К тому же она предоставляет новые возможности, например, возможность в течение одного богослужения «перемещаться» между разными храмами, подключаться к разным трансляциям или даже включать одновременно две на разных экранах (десктоп и смартфон), отправлять комментарии кому-то из служащих (например, оператору трансляции, чтобы поправил штатив) или тем, кто так же следит за трансляцией. При этом участник полностью невидим и защищен от возможной реакции в отношении себя со стороны присутствующих, что создает более комфортную ситуацию, нет необходимости соблюдать церковный этикет (например, надевать юбку и платок или — мужчинам — рубашку с длинным рукавом).

Вот как описывала этот опыт прихожанка Православной церкви в Америке, живущая в Чикаго, Анна Людковская в своем аккаунте в Фейсбуке:

«Изоляция удивительно прогрессивные штуки делает с церковными службами. Захожу вчера вечером в youtube (послушать византийское пение из одного московского храма), а справа рекомендованные видео зажигаются как свечки, все live, трансляции из православных церквей Чикаго, Миннесоты, Вашингтона — и везде читают 12 Евангелий»²².

Среди комментариев православных пользователей, собранных мной в социальных сетях, были и такие:

«Трансляции воспринимаются просто как телевизор или театр. Смотрю их со стороны. Это на самом деле бывает и в каком-то огромном кафедральном соборе, где служба идет где-то далеко и непонятно»... «Смотрю трансляции, в разных храмах. Хотел написать, что грустно без икон — ну так дома с ними. Без ладана и святой воды — пожалуй, да. Но это шанс почувствовать благодать в том, где она

22. Публикация Анны Людковской в Фейсбуке от 17.04.2020 [<https://tinyurl.com/ухс-4ml8у>, доступ от 15.07.2020].

есть и помимо ладана. И этому шансу я очень благодарен!»... «Есть ощущение, что сейчас получаешь больше, чем теряешь. Собранность и стройность молитвы на службе, вслушивание в каждое слово, очень личное переживание за тех, кто служит, видение того, что происходит в алтаре совсем близко, поразительное единение со всеми, кто молится вместе на большом расстоянии. Все это сродни причастию. Не хватает только луча света из высокого окна к алтарю и красоты в лицах людей после причастия. Ну и обняться физически тоже очень хочется»²³.

Разнообразие рефлексивных откликов, собранных в режиме реального времени, когда опыт еще проживался или только начинал осмысляться, с одной стороны, подтверждает тезис о том, что степень вовлеченности и погружения больше зависит от индивидуальных особенностей пользователя и его внутреннего настроя, чем от технических возможностей и уровня их реализации, а с другой — говорит о том, что участие в этих онлайн-практиках обладает для верующих неожиданной новизной в их церковной жизни, становится ценным совместным переживанием. Как следствие, этот опыт, который получили одновременно тысячи православных, в перспективе может изменить их повседневное поведение, повлиять на отношение к богослужениям в целом, особенно в сочетании с тем, что санитарные меры, принятые в храмах, продемонстрировали саму возможность изменений и нововведений.

Во время действия изоляционных запретов возникли и новые практики, которые позволяют говорить о постепенном переходе от интерактивности к некоторым элементам иммерсивности и даже возникновении гибридных форм богослужения. Следующая ступень интерактивности/иммерсивности после трансляций в социальных сетях — богослужения на платформе *Zoom* или любых других платформах для проведения конференций, которые позволяют одновременное равное подключение к происходящему многих участников. В некоторых приходах, особенно это касалось православных общин в Америке и Западной Европе, практиковалось совместное проведение богослужений, когда все служащие, включая священника, находились каждый у себя дома. Диакон и певчие, обычные прихожане, алтарники и священники — каждый

23. Публикация Inga Leonova в Фейсбуке от 16.04.2020 [<https://tinyurl.com/y3qh42np>, доступ от 15.07.2020]; Публикация Ксении Лученко в Фейсбуке от 15.04.2020 [<https://tinyurl.com/yxty5ftl>, доступ от 15.07.2020]. Из архива автора.

участвовал в богослужении, подключившись через *Zoom*. Чаще это были не литургии, центрированные вокруг совершения таинства, а службы, состоящие из совместных молитв, чтения и пения — часы, утрени, службы Страстной седмицы, молебны и так далее. Например, к богослужениям, которые совершал протоиерей Михаил Меерсон, настоятель храма Христа Спасителя в Нью-Йорке, присоединялись его прихожане из других городов Америки, из Парижа и Москвы, которые обычно посещают этот храм во время своих приездов в США. Они видели друг друга, вместе пели, произносили слова молитв и оценивали это как уникальную возможность и опыт. Одна из верующих так описала этот опыт в Фейсбуке:

Постоянные совместные службы по Зуму, в которых я участвую, для меня являются не менее Церковью, чем привычный литургический цикл. В чем-то даже острее. Сильнее ощущается глобальность христианской общины, неподвластная расстоянию и пространству²⁴.

О служении литургий с помощью *Zoom* и других подобных программ писали менее открыто, потому что тема дистанционного совершения таинства очень чувствительная, не одобряемая священноначалием. Тем не менее, такой опыт тоже есть, и здесь степень иммерсивности еще выше. Есть свидетельства, что в *Zoom* для богослужения с освящением святых даров собирались неформальные экуменические общины, одна из участниц кратко описала свой опыт:

Если я не иду в храм и не причащаюсь в храме, я лишаюсь общества прихожан своего храма и храмового причастия, храмового богослужения. Не лишаюсь общества верующих, причастия и богослужения как таковых, потому что участвую в экуменических богослужениях по Зуму, включающих домашнее причастие, и молюсь вместе с друзьями или с участниками онлайн-богослужений²⁵.

На сайте «Ахилла» своим опытом служения с помощью *Zoom* литургии поделился протоиерей Андрей Дударев из Подмосковья. Это была так называемая «литургия Слова», без евхаристии, которую могут служить миряне. В этом богослужении участвовали 14 прихожан, которые заранее распределили роли. «У меня было

24. Публикация Inga Leonova в Фейсбуке от 16.04.2020.

25. Комментарии к записи Ксении Лученко в Фейсбуке от 15.04.2020 [<https://tinyurl.com/y69dhh6x>, доступ от 15.07.2020].

полное ощущение соучастия в общении и служении со всеми. Поначалу казалось, что технологические новшества будут мешать, но этого не случилось. Все было в хорошем смысле обычно. Переход богослужения к онлайн-форме психологически воспринимался как переход от чтения текста с книги к чтению текста со смартфона», — пишет Андрей Дударев²⁶.

Эксперименты с онлайн-литургией

В Православной Церкви Украины (ПЦУ) произошла большая дискуссия вокруг практики онлайн-литургий. Два клирика — священники Дмитрий Вайсбурд и Игорь Савва были «почислены за штат» после того, как публично рассказали о том, что служили литургию, освящая хлеб и вино, стоявшее у прихожан перед мониторами. «В прошлую субботу имел удивительный опыт сослужения полноценной литургии с причащением с помощью программы для видеоконференций Hangouts, которую организовал и на которой предстоял о. Дмитрий Вайсбурд. Каждый из участников богослужения приготовил перед монитором хлеб, вино и воду. Служили литургию Иоанна Златоуста, по очереди читая и напевая части последования. Освящение Даров происходило так же, как и во время богослужения в храме. Все участники причастились, каждый в своем жилище. Это было удивительное и вдохновляющее богослужение»²⁷, — написал священник Игорь Савва в своем аккаунте в Фейсбуке.

Видно, что здесь прихожане были активно вовлечены в происходящее, они больше не пассивные зрители трансляций, но иммерсивно погруженные участники богослужения, проводимого онлайн. Протоиерей Андрей Кураев так прокомментировал этот опыт в своем блоге:

Изолированный мирянин перед видеокамерой ставит кусок хлеба и чашку вина. В это же время священник в храме (или там, где он разложит свой антиминс) начинает проскомидию, в своем уме и своей молитве держа не только предлежащий ему хлеб, но и тот, который «на удалении». Мирянин просто слушает молитвы священника. Может быть, иногда кадит (если у него есть такая воз-

26. Дударев А. Опыт служения онлайн-литургии в одной христианской общине // Ахилла. 4.04.2020 [<https://tinyurl.com/yy2dylff>, доступ от 10.07.2020].

27. Публикация Игоря Саввы в Фейсбуке от 11.05.2020 [<https://tinyurl.com/yxpvvg3ol>, доступ от 15.07.2020].

можность). А в итоге слышит от священника — «со страхом Божиим и верою приступите». Убежден, что его переживания будут много глубже, чем на обычной службе²⁸.

Он пишет о глубине переживаний (иммерсивность подразумевает эмоциональность погружения с использованием органов чувств) и возможности быть включенным в литургию, соучаствовать в ней, не только подготовив хлеб и вино, но и, например, совершая каждения.

Епископ Савва (Тутунов) в своем телеграм-канале назвал эту практику «маргинальной», «неприемлемой и невозможной в Христовой Церкви»²⁹. Наконец, официальный спикер Русской православной церкви, председатель Синодального отдела по связям Церкви с обществом и СМИ Владимир Легойда также в телеграм-канале отметил «богословскую абсурдность этой затеи»³⁰.

Другой клирик ПЦУ протоиерей Георгий Коваленко в своем блоге подробно описал опыт служения онлайн-литургии на Пасху³¹. Он освятил дары во время литургии в четверг, индивидуально упаковывал частицы, для чего «разработал целую технологию “благочестивой” упаковки с учетом легкой и экологической утилизации», провел с прихожанами личные беседы в мессенджерах, объясняя, что и как будет происходить, после чего объехал всех пожелавших причаститься на Пасху и раздал им эти тщательно упакованные дары. Во время ночной пасхальной литургии прихожане смотрели онлайн-трансляцию богослужения и причастились заранее подготовленными дарами. Так сочетается цифровая онлайн-литургия и реальное физическое участие в таинстве. Еще один клирик ПЦУ, протоиерей Андрей Дудченко³², высказался резко против практик онлайн-литургий с полноценной евхаристией. Он ставит под сомнение, что это «является событием, в котором есть участники, а не наблюдатели».

28. Блог диакона Андрея Кураева [<https://diak-kuraev.livejournal.com/2911437.html>, доступ от 10.07.2020].

29. Телеграм-канал епископа Саввы Тутунова [<https://t.me/kartezianec/1152>, доступ от 10.07.2020].

30. Телеграм-канал Владимира Легойды [<https://t.me/vladimirlegoyda/3772>, доступ от 10.07.2020].

31. Коваленко Г. Онлайн-трансляції богослужіння і онлайн-служіння Церкви // Відкритий православний університет. 19.05.2020 [<https://tinyurl.com/y2sdfjxn>, доступ 23.07.2020].

32. Дудченко А. Що не так у онлайн-причасті? // Киевская Русь. 24.05.2020 [<https://tinyurl.com/y386x8ud>, доступ 19.07.2020].

Дудченко сравнивает литургию с танцем из-за роли в ней невербальных, тактильных контактов: «Литургию можно сравнить с танцем. Как провести хоровод или станцевать парный танец через видеоконференцию?». Он также считает, что «совместная трапеза — это не то же самое, что совокупность нескольких индивидуальных трапез». То есть для Дудченко, который по образованию и сфере научных интересов специалист по богословской литургике, а не только священнослужитель-практик, принципиальны эмоциональная, чувственная погруженность в процесс и соучастие, степень вовлеченности — крайне субъективные, как мы уже выяснили, параметры, техническая возможность для реализации которых уже существует.

Перспективы цифровизации богослужения

Опасения, высказываемые священнослужителями и церковными чиновниками относительно совершения таинств онлайн, вновь отсылают нас к культурологической теории. В работах по иммерсивности³³ исследователи часто привлекают эссе Вальтера Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости»³⁴, где он размышляет о категории подлинности и утверждает, что, обретая репродуцируемость, произведение искусства теряет свою уникальную ауру. Беньямин писал, что «[о]бстоятельства, в которые может быть помещена техническая репродукция произведения искусства, даже если и не затрагивают во всем остальном качество произведения — в любом случае они обесценивают его здесь и сейчас». На Беньямина ссылается и католический богослов Антонио Спадаро в своей книге «Кибертеология. Думая о христианстве в эру Интернета», в которой отдельная глава посвящена возможности онлайн-литургии. Спадаро считает, что «[в] действительности, литургическое событие никогда не может быть технически воспроизводимо, потому что оно включает в себя *здесь и сейчас*, в котором присутствует невоспроизводимым образом действие Святого Духа, делающее Тайну Христа настоящей и актуализирующее ее в жизни»³⁵; он также пишет,

33. См. например Новикова А.А. Культурные индустрии как часть публичной сферы: трансформация форм соучастия // Художественная культура. 2020. № 1. С.65–84; Эвальд В.Д. Интерактивность и иммерсивность в медиасреде. К проблеме разграничения понятий. С. 248–271.

34. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Меднум, 1996.

35. Spadaro, A. (2014) *Cybertheology: Thinking Christianity in the Era of the Internet*, p. 79. Fordham University Press.

что «литургия всегда работает над телом, организуя сферу эмоций, чувственности, действий таким образом, чтобы в них присутствовало священное, тайна Христа»³⁶.

Спадаро писал свою книгу в 2012 году, когда технологии еще не позволяли достичь до той степени интерактивности и приблизиться к иммерсивным практикам, которые были продемонстрированы во время кризиса, связанного с самоизоляцией и невозможностью посещать храмы. Ключевой вопрос, который поставлен благодаря коллективному опыту более или менее интерактивного участия в онлайн-богослужениях: считать ли присутствие на литургии с использованием технических средств воспроизведением, репродукцией или подлинным «здесь и сейчас». Достаточно ли степень соприсутствия и эмоциональной вовлеченности, чтобы богослужение и таинство было принято всеми участниками как состоявшееся и возможное для повторения в таком формате.

Таким образом, экстремальный опыт ограниченного доступа на храмовые богослужения на протяжении апреля, мая и июня 2020 года, в который вошел традиционно интенсивный пасхальный период, продемонстрировал потенциальные направления дальнейшей медиатизации русского православия, новый уровень которой включает не только производство и потребление информационного контента в текстовом, аудио- и видеоформатах, вертикальной и горизонтальной коммуникации, присутствия в СМИ и социальных сетях, но и активное развитие практик соучастия, в частности — усиления интерактивности богослужений, появления в них элементов иммерсивности, перспективы существенных изменений в литургической жизни благодаря ее цифровизации.

Библиография / References

- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996.
- Лукина М.М., Фомичева И.Д. СМИ в пространстве Интернета. М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005.
- Лущенко К.В. Интернет и религиозные коммуникации в России // Медиаскоп. 2008. № 1. С. 3–10.
- Новикова А.А. Культурные индустрии как часть публичной сферы: трансформация форм соучастия // Художественная культура. 2020. №1. С. 65–84.
- Новикова А.А., Кирия И.В. Эстетика иммерсивности: особенности творческой деятельности журналиста в мультимедийных и трансмедийных проектах // Вестник

36. Ibid.

- Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 276–288.
- Островская Е.А. Интернет-медиатизация исповеди в среде сетевых православных VK.com сообществ // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17. №. 3. С. 45–58.
- Островская Е.А. Медиатизация православия — это возможно? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 300–319.
- Эвальд В.Д. Интерактивность и иммерсивность в медиасреде. К проблеме разграничения понятий // *Художественная культура*. 2019. № 3. С. 248–271.
- Ben'iamin, V. (1996) *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti* [The Work of Art in the Age of Technical Reproducibility]. M.: Medium.
- Evalyo, V.D. (2019) "Interaktivnost' i immersivnost' v mediasrede. K probleme razgranicheniia poniatii" [Interactivity and Immersiveness of the Modern Cultural Media. The Problem of Differentiation of Concepts], *Khudozhestvennaia kul'tura* 3: 248–271.
- Hjarvard, S. (2008) "The mediatization of religion: a theory of the media as agents of religious change", *Northern Lights: Film and Media Studies Yearbook* 6(1): 9–26
- Hjarvard, S. (2016) "Mediatization and the changing authority of religion", *Media, Culture & Society* 38(1): 8–17.
- Jenkins, H. (2006) *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press.
- Jenkins, H. (2009) *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*. Cambridge: The MIT Press.
- Krüger, O. (2018) "The 'Logic' of Mediatization Theory in Religion: A critical consideration of a new paradigm", *Marbourg Journal of Religion* 20(1).
- Luchenko, K. (2015) "Orthodox online media on runet: history of development and current state of affairs", *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media* 14: 123–132.
- Luchenko, K.V. (2008) "Internet i religioznye kommunikatsii v Rossii" [Internet and religious communications in Russia], *Mediascope* 1: 3–10.
- Lukina, M.M., Fomicheva, I.D. (2005) *SMI v prostranstve Interneta* [Media in the Space of the Internet]. M.: Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova.
- Novikova, A.A. (2020) "Kul'turnye industrii kak chast' publichnoi sfery: transformatsiia form souchastiia" [Cultural industries as part of the public sphere: the transformation of forms of co-participation], *Khudozhestvennaia kul'tura* 1: 65–84.
- Novikova, A.A., Kirii, I.V. (2018) "Estetika immersivnosti: osobennosti tvorcheskoi deiatel'nosti zhurnalista v mul'timediinykh i transmediinykh proektakh" [The aesthetics of immersiveness: peculiarities of creative activity of a journalist in multimedia and transmedia projects], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura* 15(2): 276–288.
- Ostrovskaiia, E.A. (2018) "Internet-mediatizatsiia ispovedi v srede setevykh pravoslavnykh VK.com soobshchestv" [Internet-mediatization of confession in the environment of network Orthodox VK.com communities], *Logos et Praxis* 17(3): 45–58.
- Ostrovskaiia, E.A. (2019) "Mediatizatsiia pravoslaviia — eto vozmozhno?" [Mediatization of Orthodoxy — is it possible?], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* 5: 300–319.
- Spadaro, A. (2014) *Cybertheology: Thinking Christianity in the Era of the Internet*. Fordham University Press.